

Оба не отводили взгляда.

— Сиянь, давай помиримся, — наконец произнёс Чжэн Цзыжань.

За этим последовала тишина. Голова Чуаньчуань всё ещё лежала на груди Сун Сияня, и она явно почувствовала, как дыхание и сердцебиение отца внезапно изменились. Она с недоумением повернула голову, пытаясь увидеть выражение лица отца, но тот крепко прижал её к себе, не позволяя пошевелиться.

— Нет, — наконец ответил Сун Сиянь.

После обеда Сун Сиянь получил звонок от третьего дяди.

— Твоя мама тебе уже говорила? — сразу спросил он.

Сун Сиянь не понимал, о чём речь, и спросил в ответ:

— Что с мамой?

Третий дядя вздохнул:

— Вчера вечером у неё поднялась температура, сегодня в обед она мне позвонила, и я отвёз её в больницу. Только что ей поставили капельницу, у меня срочные дела, так что я ушёл, сказал ей позвонить тебе, но, видимо, она не послушала.

— В какой больнице? — с тревогой спросил Сун Сиянь.

Третий дядя назвал не только больницу, но и номер палаты и койки, а в конце добавил:

— Яньянь, вчера мама была неправа, но ты тоже поступил не лучшим образом. Как можно так с ней разговаривать? В обед я видел, что у неё глаза опухли, наверное, всю ночь плакала. Ей уже за пятьдесят, она всю жизнь была избалована, и теперь надеется, что сын продолжит её баловать. Да, как человек, она всегда шла своим путём, и не скажешь, что она достигла большого успеха, но как мать она справлялась неплохо, правда? Я знаю, почему ты не хочешь давать ей деньги, честно говоря, её друзья мне тоже кажутся ненадёжными. Но поговори с ней спокойно, она вспыльчивая, но не глупая, не говори с ней в гневе.

Сун Сиянь согласился со всем.

Когда он вошёл в палату, его избалованная мама сидела с одной рукой на капельнице, а в другой держала апельсин, с трудом очищая его, и при этом болтала с соседкой по палате. Лицо её было бледным, но щёки горели, видимо, температура была высокой. Отёк вокруг глаз почти спал, и она улыбалась. Но когда она увидела внезапно появившегося Сун Сияня, её улыбка застыла.

Сун Сиянь бежал от парковки до больницы, и, несмотря на холод, он вспотел. Увидев её реакцию, он почувствовал, как пот на спине стал ещё более неприятным.

Он придвинул стул к кровати Чжао Линьлань, взял у неё апельсин, очистил его и положил обратно в её руку. Соседка по палате, увидев это, спросила:

— Это твой брат? Как же он выглядит... Как это называется? Ах да, настоящий красавец.

Улыбка Чжао Линьлань, которая до этого была немного смущённой, вдруг засияла. Она с

гордостью ответила:

— Это мой сын.

Пятидесятилетняя Чжао Линьлань всё ещё выглядела очень молодо. Во-первых, она была красавицей, в любом возрасте она выделялась, как цветок среди травы. Во-вторых, она большую часть жизни прожила без забот, в детстве её содержали родители, во взрослой жизни — братья, а теперь, в среднем возрасте, её содержал сын, и, судя по всему, в старости она останется такой же ухоженной и прекрасной. Время, казалось, не могло оставить на ней следов.

Соседка с восхищением смотрела на лицо Чжао Линьлань, которое выглядело не старше тридцати, и спросила:

— Девушка, вы так молодо выглядите! Сидя рядом с сыном, вы больше похожи на сестёр. Как вы ухаживаете за собой?

Чжао Линьлань не стала скрывать, поблагодарила за комплимент и рассказала о косметике и фитнес-клубе, которые она использует. Соседка, услышав это, смутилась и больше не стала продолжать разговор, но её взгляд на Чжао Линьлань стал ещё более восхищённым.

Потом они поговорили о семейных делах, соседка закончила капельницу, и её забрала дочь.

Оставшееся время принадлежало матери и сыну. Из-за вчерашнего конфликта они сидели друг напротив друга, не зная, о чём говорить. Атмосфера была напряжённой, и первой заговорила Чжао Линьлань:

— Те марки, о которых я говорила, слишком дорогие? Соседка перестала со мной разговаривать.

Сун Сиянь не сильно разбирался в этих брендах, но знал, что его мама всегда любила тратить деньги, особенно когда позволяли средства. Он кивнул в знак согласия.

Чжао Линьлань продолжила:

— В прошлый раз, когда я была за границей, купила ещё несколько новых средств. Недавно появились морщинки, интересно, помогут ли они.

Сун Сиянь ответил:

— Если не помогут, ничего страшного. Моя мама самая красивая, на улице на неё оборачиваются чаще, чем на двадцатилетних девушек.

Чжао Линьлань расцвела от его слов, положила ему в рот дольку апельсина и сказала:

— Мой сын такой красноречивый.

Она внимательно посмотрела на его лицо и добавила:

— Жаль, что ты не унаследовал мои гены. Кроме формы лица и носа, ты на меня не похож. А вот Жаньжань преуспел, его родители не были особо красивыми, но он с каждым годом становится всё привлекательнее. Я даже начинала сомневаться, не перепутали ли вас при рождении, ведь вы родились в один день.

Так разговор перешёл на Чжэн Цзыжэня.

— Я слышала от старого Чжэна, что Жаньжань вернулся. Вы уже виделись?

— Виделись.

— И... что решили?

Сун Сиянь ответил:

— Ничего не решили.

Чжао Линьлань вздохнула:

— Если бы я знала, что всё так закончится, тогда бы я просто позволила вам быть вместе. Ну и что, что нет детей, собака не хуже ребёнка.

Она снова вздохнула и спросила:

— Как Чуаньчуань? Вчера я была слишком резкой, надеюсь, не повредила её. Она умная, не такая, как её мать, она послушная, и я не должна была на неё срываться.

Она с серьёзным выражением лица спросила Сун Сияня:

— Ты думаешь, у меня склонность к насилию? Когда ты был маленьким и меня злил, я тоже часто тебя била.

— Нет, просто ты вспыльчивая и не всегда контролируешь себя, но это не склонность к насилию, — мать первой пошла на примирение, и сын последовал её примеру. — Чуаньчуань не сильно пострадала, она сейчас в ветеринарной клинике, скоро поправится. Вчера я тоже был резок, мама, не принимай это близко к сердцу.

Он помолчал, но всё же добавил:

— Мама, если тётушки снова предложат тебе какие-то инвестиции, сначала спроси меня или дядю Гао. Если всё нормально, тогда вкладывай. Раньше я видел, что ты с ними хорошо общаешься, поэтому ничего не говорил, но, например, госпожа Цянь и госпожа Хань, их компании уже связывались с нами, предлагали инвестиции и сотрудничество, но отдел всё отклонил. Не обижайся, что я говорю прямо, они просто хотели использовать тебя как короткий путь.

Чжао Линьлань долго молчала.

— Значит, они считают меня глупой и богатой? — Она улыбнулась. — Ну что ж, тогда я буду тратить деньги на себя. Я думала, что инвестиции с этими богатыми дамами — это просто развлечение, а они, оказывается, просто играли со мной. Нечестные люди.

Увидев её расстройство, Сун Сиянь сказал:

— Мама, если тебе с ними интересно, продолжай общаться, просто не говори о деньгах.

— Нет уж, если они дружат со мной только ради денег, мне это неприятно, — она засмеялась.

Сун Сиянь спросил, чему она смеётся, и она ответила:

— Тебе не кажется, что моя фраза звучит как из тех глупых романов про крутых бизнесменов, которые были популярны десять лет назад?

Сун Сиянь задумался и согласился:

— Действительно.

Они оба рассмеялись.

— Деньги — это хорошо, но и плохо тоже, — вдруг сказала Чжао Линьлань. — Вчера я слышала от дяди Гао о Шань Хэ. Он был хорошим парнем, но последние годы погрузился в роскошь и потерял голову. Теперь даже до уголовного дела дошло, его жизнь, можно сказать, закончилась.

— Что ещё ты слышала? — Соседка оставила Чжао Линьлань несколько апельсинов, чтобы та могла их есть для развлечения. Сун Сиянь начал чистить ещё один.

— Ещё слышала, что вы поссорились. Одиннадцать лет дружбы, жаль. Я помню, в прошлом году, когда его повысили до директора, большинство в совете директоров было против, но ты настоял на его кандидатуре, и в итоге тебя самого отчитали. Он что, не знал об этом? И всё равно был недоволен тобой. Раньше я не замечала, что он может быть таким жадным, это не только печально, но и возмутительно.

<http://bllate.org/book/16804/1545319>